

VIII. НОВОСТИ НѢМЕЦКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

*Friedrich Delitzsch. Babel und Bibel. Dritter (Schluss—)
Vortrag. Stuttgart, 1905.*

Въ концѣ прошлаго 1904 г. проф. Фридрихъ Деличъ выступилъ въ разныхъ городахъ Германіи ²⁾ съ новымъ — третьимъ — рефератомъ о Вавилонѣ и Библии. Въ январѣ нынѣшняго года рефератъ этотъ появился въ печати отдѣльной брошюрой подѣ вышеприведеннымъ заглавіемъ; въ заглавіи рефератъ названъ послѣднимъ, изъ чего можно заключить, что авторъ рѣшилъ собрать здѣсь весь остающійся матеріалъ по вопросу объ отношеніи Вавилона къ Библии и тѣмъ покончить съ этимъ столь шумѣвшимъ вопросомъ. Съ внѣшней стороны новая брошюра составлена совершенно по образцу своихъ предшественницъ, но по внутреннимъ качествамъ значительно отличается отъ нихъ: авторъ уже не повторяетъ своихъ прежнихъ нападокъ на Библию, не пытается разрушить установившихся убѣжденій относительно ея боговдохновенности; онъ преслѣдуетъ исключительно научную цѣль: изложить не указанные имъ въ первыхъ рефератахъ данныя ассиро-вавилонскихъ раскопокъ, дополняющія и разъясняющія библейскія сказанія и содержащія въ себѣ

¹⁾ Изъ многочисленныхъ богословскихъ трудовъ, появляющихся въ Германіи, мы выбираемъ для рецензіи главнымъ образомъ тѣ, которые наиболее волнуютъ общественное мнѣніе, и такимъ образомъ наша библиографія служитъ дополненіемъ нашихъ „Очерковъ религіозной жизни въ Германіи“.

²⁾ 27 окт. въ Барменѣ, 28 окт. въ Кѣльнѣ и 9 ноября во Франкфуртѣ на Майнѣ.

религіозно-правственное міровоззрѣніе вавилонянъ. По причинѣ ли отсутствія сенсационнаго характера, или потому, что интересъ къ ассиро-вавилонскимъ разоблаченіямъ въ широкой публикѣ вообще потерялъ свою остроту,—новому реферату Делича оказанъ былъ довольно равнодушный пріемъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія научнаго интереса брошюра не уступаетъ первымъ двумъ рефератамъ, излагая въ сжатой и остроумной формѣ, съ прекрасными иллюстраціями, послѣдніе результаты раскопокъ.

Таблица народовъ, помѣщенная въ 10 главѣ Бытія, по мнѣнію Делича, составлена авторомъ—семитомъ далеко неполно и небезпристрастно; клинообразныя надписи въ данномъ случаѣ приходятъ намъ на помощь, указывая, напр., не упомянутый въ таблицѣ могущественный несемитскій народъ *еламитовъ*, власть которыхъ въ 3 тысячелѣтіи до Р. Хр. простиралась надъ всею Вавилоніей до Ханаана, а главное,—высокодаровитый народъ *сумерійцевъ*, имѣвшій могущественное культурное вліяніе на другіе народы и оставившій послѣ себя замѣчательные памятники искусства ¹⁾, но совершенно исчезнувшій изъ памяти не только ветхозавѣтныхъ, но и греческихъ писателей.

Въ 5 гл. книги пр. Даниїла говорится, что Вавилонское царство Халдеевъ покорено было Киромъ Персидскимъ при Халдейскомъ царѣ Валтасарѣ, ничтожномъ сынѣ великаго отца—Навуходоносора. Раскопки даютъ возможность исправить ошибку библейскаго автора: послѣднимъ халдейскимъ царемъ былъ Набунаидъ; его сынъ, Валтасаръ, былъ лишь полководцемъ халдейскихъ войскъ.

Было время, когда изслѣдователи Ветхаго Завѣта не могли рѣшить, представляютъ ли ассирійскій царь Фуль, современникъ Менаима, царя Израильскаго (4 Царствъ, 15, 19) и Феглаѳелассаръ, современникъ Факея (ib. 29) одно лицо, или два различныхъ. Теперь, благодаря раскопкамъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это—два имени одного и того-же царя. Этотъ царь, завоевавъ Галилею и Самарію, переселилъ туда вавилонянъ и такимъ образомъ положилъ

¹⁾ Напр., серебр. ваза князя Entemena (оригиналъ въ Луврѣ), бронзовая голова быка (ориг. въ Берлинскомъ Корол. музеѣ), статуя архитектора изъ Telloh (ориг. въ Луврѣ) и пр.

начало смѣшанному народу, который вавилоняне называли кутеями отъ города Куты, родины большинства вавилонскихъ переселенцевъ. Этотъ народъ сохранилъ, естественно, въ языкѣ и обычаяхъ слѣды своихъ предковъ. Напр. проглатываніе гортанныхъ звуковъ у галилеянъ (Мѧ. 26, 73), выраженіе „Сынъ Человѣческой“, часто встрѣчающееся у Спасителя и у пр. Іезекииля, формула усыновленія (напр. 7 стихъ 2-го псалма) ¹⁾ и пр., — все это вавилонскаго происхожденія.

Важное значеніе имѣють раскопки и для выясненія Псалтири. Упоминаемые въ ней, напр., музыкальные инструменты, хотя, можетъ быть, и не вавилонскаго происхожденія, но, ввиду близкихъ сношеній двухъ народовъ, несомнѣнно близко подходятъ къ типу инструментовъ, употреблявшихся въ Ассирио-Вавилоніи; а эти послѣдніе во множествѣ встрѣчаются на ассирійскихъ памятникахъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ типовъ,—струнные, духовые, ударные. Позвѣія псалмовъ какъ по внѣшнему построенію стиха, такъ отчасти и по содержанію находятъ себѣ паразительныя и многочисленныя параллели въ асировавилонской литературѣ.

Авторъ подробно останавливается на религіозно-этическихъ представленіяхъ вавилонянъ, основываясь преимущественно на кодексахъ Гаммураби; при этомъ онъ приходитъ къ тому результату, что религіозно-нравственное міровоззрѣніе Вѣтхаго Завѣта, заповѣди о любви къ Богу и ближнему, о страхѣ Божіемъ, о грѣхѣ и отвѣтственности за него, о покаяніи и молитвѣ и пр.—вовсе не составляютъ монополіи еврейскаго народа и Библии, а въ такой же, если не въ бѣльшей степени являются духовнымъ достояніемъ и вавилонянъ. Боги вавилонскіе, по мнѣнію Делича, представлялись вавилонянамъ такими же живыми существами, какъ Іегова евреямъ, всемогущими, всезнающими, вездѣсущими; статуя служила лишь символомъ, храмъ—мѣстомъ присутствія божества. Въ нѣкоторыхъ чертахъ религіозныя представленія этихъ двухъ народовъ паразитально сходны. Пророкъ Наумъ такъ изображаетъ гнѣвъ и могущество Іеговы:

Запретить Онъ морю,—и оно высыхаетъ,
И всѣ рѣки изсыхаютъ;

¹⁾ Псалтирь составлена, по мнѣнію автора, послѣ плѣна вавилонскаго.

Вянетъ Васанъ и Кармилъ,
И блекнетъ цвѣтъ на Ливанѣ (Наумъ, 1, 4).

А вотъ какъ говорится въ одномъ изъ псалмовъ Мардуку:
Твое слово—высокая сѣть, простертая надъ небомъ
и землею.

Прострется надъ моремъ—и море отступаетъ
Прострется надъ долиной—и долина сѣтуетъ
Прострется надъ Евфратомъ—и твое слово,

Мардукъ, мутить русло рѣки.

Вавилонскіе боги, какъ и ветхозавѣтный Іегова, то въ дыханіи вѣтра, то въ шумѣ бури говорятъ съ людьми, особенно съ избранными пророками и провидцами. Боги все видятъ и знаютъ, и потому вавилонянинъ убѣжденъ, что его молитва будетъ услышана. Человѣкъ всецѣло зависимъ отъ боговъ, и потому долженъ быть смиреннымъ. Даже такимъ глубокимъ мыслямъ, какъ недостаточность одного виѣшняго культа и необходимость душевной чистоты, (напр. Ос. 6, 6; Пс. 50) находятся аналогіи у вавилонянъ; вотъ, напр., что говорится въ одной изъ надписей:

Ежедневно молись твоему богу
Чистота рѣчи—достоинѣйшая жертва.
Съ твоимъ богомъ ты долженъ быть откровененъ,
Это—самое достойное предъ божествомъ.

Но какъ не высоко ставить Деличъ религію и этику Вавилона, онъ сознаетъ всетаки, что евреи владѣли однимъ великимъ даромъ, безконечно возвышающимъ ихъ надъ со-сѣдними народами,—вѣрой въ *единого* Бога. Не отрицая вавилонскій политеизмъ, авторъ и здѣсь однако старается привести смягчающія обстоятельства въ пользу своихъ любимцевъ—вавилонянъ. Во первыхъ, въ вавилонской литературѣ, говоритъ онъ, немало указаній на то, что глубочайшіе вавилонскіе мыслители, подобно философамъ Греціи и Рима, за многообразіемъ божествъ предчувствовали единого Бога. Затѣмъ на появленіе многобожія у одного народа и единобожія у другого повліяли особенности природы, среди которой они жили. Наконецъ, монотеизмъ у евреевъ—чисто политическій, какъ и у другихъ семитскихъ народовъ.

Daniel Völter. Aegypten und die Bibel. Die Urgeschichte Israels im Lichte der ägyptischen Mithologie. (S. 113) Leiden. 1903.

Книжка Данила Фельтера—„Египетъ и Библия. Древняя исторія Израиля при свѣтѣ египетской мифологіи“—представляетъ изъ себя одну изъ многихъ—за послѣднее время—попытокъ „разоблаченія“ ветхозавѣтной Библии. Такого сенсационнаго успѣха, какъ брошюры Фридриха Делича о Вавилонѣ и библии, она не имѣла, тѣмъ не менѣе обратила на себя вниманіе и вызвала немало отзыовъ pro и contra: не безынтересно, надѣмся, познакомиться съ ней и русской публикѣ, какъ съ явленіемъ характернымъ для извѣстнаго направленія современной богословской науки на западѣ. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось встрѣтить ни одной статьи по египтологіи, гдѣ разбиралось бы сочиненіе Фельтера, такъ что приводимыя имъ данныя по египетской мифологіи приходится брать на вѣру. Но и при такомъ довѣрчивомъ отношеніи къ автору безпристрастный читатель не можетъ не видѣть всей неестественности тѣхъ параллелей, которыя проводятся въ книгѣ между библейскими разказами и мифами Египта. Эта неестественность заставляетъ даже усомниться въ искренности словъ автора: будто идея о происхожденіи библейскихъ разказовъ изъ Египта пришла ему совершенно неожиданно во время его ученыхъ работъ по Новому Завѣту и христіанскимъ древностямъ (см. предисловіе); сама собой напрашивается мысль: выдающійся успѣхъ послѣднихъ изслѣдованій о Вавилонѣ и библии не побудилъ ли автора покопаться въ другой, близкой Израилю культурѣ,—Египетской, и предъвзятая мысль, съ которой приступалъ авторъ къ своей новой задачѣ, не привела ли его незамѣтно къ неточностямъ и натяжкамъ?

Въ древней исторіи Израиля авторъ видитъ три отдѣльныхъ періода: исторію Авраама, исторію Іакова и исторію Моисея. Между этими періодами, равно какъ и между отдѣльными лицами и фактами существуетъ, повидимому, тѣсная историческая связь. На самомъ же дѣлѣ, говоритъ авторъ, достаточно обратить вниманіе на содержаніе библейскихъ разказовъ изъ этой эпохи, чтобы видѣть, что объ исторіи въ строгомъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

„Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ исторіей того времени, когда еще боги бродятъ по землѣ, являются людямъ и входятъ съ ними по временамъ въ чисто человѣческія отношенія; другими словами, мы имѣемъ дѣло съ миѳологіей“. Но недостаточно, говоритъ авторъ, указать миѳологическій характеръ библейской исторіи Израиля: необходимо отыскать источникъ библейскихъ миѳовъ и уяснить при помощи этого источника главнѣйшія лица и событія. А гдѣ же, какъ не въ Египтѣ, который всего ближе стоялъ къ Израилю въ эту эпоху, слѣдуетъ искать этого источника? И дѣйствительно, разсматривая египетскій пантеонъ, авторъ видитъ въ немъ аналогичные библейскимъ лица, событія, обстановку.

Приведенныя мысли авторъ высказалъ во введеніи (на одной страницѣ), какъ истины безспорныя и общепринятыя, и, перешагнувъ черезъ нихъ, сразу приступаетъ къ своей цѣли, — перечисленію египетско-библейскихъ миѳологическихъ параллелей. По тремъ указаннымъ моментамъ въ исторіи Израиля авторъ дѣлитъ свой трудъ на три отдѣла: I Авраамъ, Лотъ, Сарра, Исаакъ, Ревекка, Агарь, Измаилъ, Хеттура; II Иаковъ и его семейство, и III Моисей и Богъ у Синая. Къ этимъ главнымъ отдѣламъ авторъ присоединяетъ еще два: IV Ковчегъ Іеговы, жезлъ Аарона, мѣдный змѣй, завоеваніе Іерихона, Раавъ; V Самсонъ. Чтобы познакомиться съ ходомъ мыслей автора и способомъ его аргументаціи, остановимся на первой изъ его параллелей.

Въ то время, когда небо еще не простиралось надъ землею и когда боги и люди жили вмѣстѣ на землѣ, Ра, царь боговъ и людей, имѣлъ своею резиденціею египетскій городъ Nunpsu. Люди возмутились противъ престарѣлаго Ра, и онъ рѣшилъ погубить ихъ; но прежде хочетъ выслушать мнѣніе другихъ боговъ. По его призыву собираются боги; является и Nun, отецъ Ра, и, какъ старѣйшій, председательствуетъ въ собраніи. Боги преклоняются предъ Ра до земли. Ра объявляетъ свое рѣшеніе. Nun выступаетъ съ рѣчью; сначала льститъ своему сыну, высказывая его превосходство надъ собою; затѣмъ даетъ совѣтъ поручить богинѣ Hathor погубить людей, которые, между тѣмъ, предчувствуя опасность, убѣжали въ горы. Ра благосклонно принимаетъ предложеніе, и мститъ людямъ. Но не весь родъ

человѣческой погибаетъ; нѣсколько человѣкъ остаются въ живыхъ, каются въ своемъ поступкѣ и предлагаютъ убивать тѣхъ, которые нѣкогда возстали противъ Ра; послѣдній прощаетъ ихъ, но отказывается отъ управленія міромъ и восходитъ на небо.

Таковъ—египетскій миѳъ. Нужно обладать слишкомъ пылкою фантазіей, чтобы найти соответствующій ему рассказъ въ Библии. Но авторъ, не задумываясь, указываетъ на 18 и 19 главы Бытія, гдѣ говорится о явленіи Бога Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ и о гибели Содома и Гоморры. Іегова—Ра, Авраамъ—Nun, родъ человѣческой—Содомъ и Гоморра... Нужды нѣтъ, что многочисленные подробности совершенно не совпадаютъ: Ра, сынъ Nun'a, спрашиваетъ у него совѣта,—Іегова объявляетъ Аврааму о предстоящей казни; совѣтъ Nun'a немедленно принимается Ра,—Авраамъ долго умоляетъ Бога о помилованіи; Ра рѣшилъ истребить весь родъ человѣческой,—гнѣвъ Іеговы постигаетъ лишь два города съ окрестностями; Лоть и его семейство спасаются по молитвѣ Авраама,—часть людей по египетскому миѳу избѣгаетъ общей участи по какой то неизвѣстной причинѣ, и т. д. Автора болѣе интересуютъ сходныя черты: тамъ и здѣсь говорится о гибели нечестивцевъ; тамъ и здѣсь спасается часть людей: Ра не сразу проявляетъ свой гнѣвъ, но сначала совѣтуется съ богами,—Іегова передъ казнью городовъ бесѣдуетъ съ Авраамомъ; Nun называется отцомъ человѣчества,—Авраамъ—отецъ множества народовъ; Авраамъ „стоялъ предъ лицомъ Господа“,—Nun съ почтительностью относится къ своему могущественному сыну; тамъ и здѣсь средствомъ истребленія является огонь, такъ какъ башня Setchet, исполнившая приказаніе Ра, изображаетъ собою палящій солнечный жаръ и т. д.

Установивъ такимъ образомъ,—по его миѳнию, вполне достаточно,—идентичность Nun и Авраама, авторъ переходитъ къ Саррѣ и здѣсь даетъ уже полный просторъ своей фантазіи. Если Авраамъ—Nun, то Сарра—Nunet, „сырая первобытная матерія, зачинающій и рождающій принципъ; но Nunet, по египетскому миѳу, оплодотворяется своимъ сыномъ Ра, и авторъ видитъ намекъ на это въ словахъ Бытія: „и призрѣлъ Господь на Сарру, какъ сказалъ; и сдѣлалъ Господь Саррѣ, какъ говорилъ. Сарра зачала и родила Авра-

аму сына въ старости его, о которомъ говорилъ ему Богъ“ (Быт. XXI, 1—2; ср. XVIII, 10 и 14). Та же мысль, по мнѣнію автора заключается и въ разсказѣ Библии о пребываніи Авраама въ Египтѣ (Быт. XII, 11—20): фараонъ хотѣлъ взять себѣ Сарру въ жену, а Ра и есть прежде всего — царь Египта; Авраамъ выдаетъ Сарру за свою сестру, и Nunet въ миѣѣ является не только женою, но и сестрою Nun'a.

Продолжая свои параллели, авторъ останавливается на принесеніи Исаака въ жертву. Ра, богъ плодородія, изображается въ видѣ барана; барану же суждено было замѣнить собою единственнаго сына Авраама, когда послушаніе послѣдняго было достаточно испытано; по мнѣнію автора, самъ Іегова (=Ра, сынъ Nun'a, Авраама) явился въ видѣ этого животнаго, почему Авраамъ и назвалъ это мѣсто „гору, на которой показывается Іегова“ (Berg wo Iahve sial Iehen İsst—такъ переводитъ авторъ „Іегова—ире“ (Быт. XXII, 14), а не „Господь усмотритъ“ какъ въ русской Библии.

Нѣсколько смущаетъ автора разсказъ о ночной побѣдѣ Авраама надъ четырьмя царями (Быт. XIV), такъ какъ при сохраненіи всѣхъ подробностей трудно подыскать соответствующую параллель въ египетской миѣологіи. Но автору помогаетъ догадка, что глава эта сохранилась въ искаженномъ видѣ: стихи 5—9 и 24 расширены позднѣе, 18—20—позднѣйшая вставка, сюда же принадлежит и конецъ стиха 17-го. Получается такимъ образомъ упрощенный разсказъ; но и въ немъ не все понятно автору: какимъ образомъ Авраамъ могъ жить на чужой землѣ, у Аморреяниновъ Мамре, Эгиколу и Анеру (см. 13), разъ онъ былъ гораздо богаче и могущественнѣе ихъ; это будетъ понятно, если предположить, что Авраамъ не простой человѣкъ, а Богъ, съ помощью котораго мѣстные жители освободились отъ нашествія Эламитовъ; а весь разсказъ получаетъ объясненіе и освященіе при допущеніи параллели: Авраамъ=Nun. Египетскій миѣе повѣствуетъ, что нѣкогда царь Ра съ своими сподвижниками потеряли власть; ихъ царство занято было врагами свѣта, а сами они погружаются въ преисподнюю (царь Содомскій и Гоморрскій падаютъ въ смоляные ямы—Быт. XIV, 10). Nun помогаетъ Ра побѣдить враговъ, возстановляетъ его на престолъ и возвращаетъ ему прежнюю власть и прежнія

владѣнія, какъ Авраамъ возвращаетъ царю Содомскому не только царскіе права, но и все имущество (XIV, 22—24).

Мифологическій остатокъ видитъ авторъ и въ упоминаніи о колодезѣ въ Вирсавіи (Быт. XXI, ср. XXVI),—выкопанномъ Авраамомъ и игравшемъ значительную роль въ его жизни (Nun—первобытная вода),—и въ рассказѣ о погребеніи Авраама и Сарры въ пещерѣ Махпелѣ (Nun и Nunet, по египетскому представленію, живутъ подъ землей, и само слово „Махпела“—*duplicitas*—указываетъ на двухъ боговъ).

Переходя къ потомству Авраама, авторъ и здѣсь находитъ подтвержденіе своей мысли: Nun называется „отцомъ восьми“, у Авраама также было восемь сыновей; сынъ Сарры названъ Исаакомъ, что значитъ „смѣхъ“; соотвѣтствующій ему сынъ Nun и Nunet,—Ra есть богъ весело восходящаго (смѣющагося) солнца. Исаакъ идетъ по направленію отъ источника и вечеромъ встрѣчаетъ Ревекку; Ra, богъ солнца, восходитъ отъ Nun'a, первобытной воды, и вечеромъ опускается въ землю. Агарь—египтянка, служанка Сарры, и сынъ ея Измаиль, являются конкуррентами Сарры и Исаака. Богъ Nun, правда, не имѣетъ другой жены, кромѣ Nunet; но конкуррентка у Nunet всетаки есть, это—богиня Neit, которая заявляетъ претензію быть космогоническою проматерью и въ особенности матерью бога свѣта Ra; эта богиня изображается съ стрѣлой и лукомъ, что напоминаетъ сына Агари, Измаила, который называется стрѣлкомъ изъ лука. Neit идентична съ богиней Изидой, про которую рассказывается, что она съ своимъ сыномъ оставила жилище враждебнаго ей брата Set и бродитъ по пустынѣ; это также напоминаетъ исторію Агари. Агари является Ангель, даетъ ей совѣтъ возвратиться къ Саррѣ и предвѣщаетъ будущность Измаила; Neit выслушиваетъ совѣтъ и предсказаніе отъ Бога Thot, и т. д.

Иаковъ, по мнѣнію автора, никто иной, какъ египетскій Qeb, отецъ Озириса, богъ земли; Исавъ—Jchu, солнечный лучъ и помощникъ Ra; Иосифъ—Озирисъ, знаменитѣйшій сынъ Qeb'a; Моисей—Thot, богъ луны.

Adolf Harnack. Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten (S. 130). Tübingen, 1905.

Среди современныхъ нѣмецкихъ протестантскихъ богослововъ Адольфъ Гарнакъ, профессоръ богословія въ Берлинскомъ Университетѣ, есть несомнѣнно—*persona gratissima*. Высокій научный авторитетъ, главенство въ „модной“ богословской школѣ (ричліанство, или такъ называемая „*moderne Theologie*“), широкая церковно-общественная дѣятельность, популярность, какъ профессора, наконецъ,—симпатіи императора ¹⁾,—все это ставитъ его въ исключительное положеніе. Его радикальные выводы, преимущественно въ области христологии, создали ему сильную литературную оппозицію; но сами враги его съ уваженіемъ относятся къ его огромной научной эрудици. Его работоспособность удивительна: въ 1900 г. онъ издалъ свою „Сущность христіанства“, надѣлавшую столько шума; съ тѣхъ поръ появились въ печати: два большихъ труда — „Миссія и распространеніе христіанства въ первые три вѣка“ ²⁾ и „Воинство Христа“, двѣ специальныхъ монографіи ³⁾,—три научныхъ реферата ⁴⁾ и пр. не говоря уже о статьяхъ и рецензіяхъ въ періодической печати. Имя Берлинскаго профессора хорошо извѣстно и у насъ въ Россіи, и одобреніе имъ того или другого церковно-историческаго труда очень и очень лестно для всякаго русскаго автора.

¹⁾ Новымъ знакомъ этихъ симпатій является назначеніе Гарнака на важный постъ директора Королевской Публичной Библиотеки въ Берлиѣ, причемъ, чтобы не отнимать у Университета знаменитаго профессора и въ тоже время облегчить его профессорскій трудъ, будетъ назначенъ ему помощникъ изъ доцентовъ.

²⁾ Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1902 (XII, 561 S.)

³⁾ Diodor von Tarsus. 4 pseudojustinische Schriften als Eigentum Diodors nachgewiesen. Leipzig, 1901 (S. 251)—Der pseudocyprianische Tractat „De Singularitate clericorum“—ein Werk des donatistischen Bischofs Macrobius in Rom. Die Hypotyposen des Theognost. Der gefälschte Brief des Bischof Theonas an den Oberkammerherrn Lucian. Leipzig, 1903.

⁴⁾ Grundsätze der evangelisch-protestantischen Mission, Berlin 1900.; Die Aufgabe der theologischen Facultäten und die allgemeine Religionsgeschichte, Giessen, 1901; Sokrates und die alte Kirche, Giessen 1901.

Послѣдній трудъ ¹⁾ А. Гарнака посвященъ интересному вопросу—объ отношеніи христіанства первыхъ трехъ вѣковъ къ войнѣ. Вопросъ этотъ разсматривается съ двухъ точекъ зрѣнія: съ теоретической или принципиальной и съ практической или реальной.—Отсюда и книга дѣлится на двѣ части: 1) воинственный элементъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи и 2) отношеніе христіанства къ военной службѣ.

I. Евангелію совершенно чуждъ воинственный характеръ: добродѣтели, проповѣдуемыя Христомъ, какъ разъ противоположны насилію, неизбѣжному при войнѣ. Но уже въ эсхатологіи Апокалипсиса выступаютъ воинственные образы, какъ отзвукъ еврейскаго представленія о воинственномъ Мессіи. Вліяніе Апокалипсиса сказалось въ томъ отношеніи, что, хотя христіанская этика не допускала войны, но война все-таки не была окончательно отвергнута первыми христіанами; они были убѣждены, что Богъ самъ попускаетъ войну и руководитъ ею, что существуютъ справедливыя войны. Въ посланіяхъ Ап. Павла встрѣчается также немало воинственныхъ картинъ и выраженій, причемъ, разумѣется, дѣло идетъ о войнѣ духовной—съ злыми силами, демонами; апостоль, миссіонеръ является воиномъ, и община должна поддерживать его; онъ имѣетъ свой кругъ занятій и долженъ удаляться мірскихъ дѣлъ (2 Тим. II, 4). Изъ этихъ двухъ послѣднихъ образовъ, по мнѣнію протестанта—Гарнака, Церковь вывела въ послѣдствіи ученіе объ обособленности клира и о содержаніи его на счетъ паствы. Также въ словахъ: „если кто и подвизается, не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться“ (ibid. 5) онъ видитъ зародышъ позднѣйшаго ученія о дисциплинѣ въ клирѣ. Св. Климентъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ впередъ, рекомендуя христіанамъ военную субординацію и повиновеніе мірянъ клиру и предостерегая отъ измѣны знамени. Дальнѣйшее развитіе получаетъ идея духовной борьбы въ сочиненіяхъ св. Игнатія, Іустина-Философа, Климента Александрійскаго и особенно—Оригена—на востокѣ, а на западѣ у Тертулліана, Кипріана и въ актахъ мученическихъ. Но къ славѣ Христовой церкви

¹⁾ „Militia Christi“ посвящена медицинскому факультету Марбургскаго Университета, присудившему Гарнаку докторскую степень за сочиненіе: Medicinisches aus der ältesten Kirchengeschichte, Leipzig, 1892.

первыхъ трехъ вѣковъ слѣдуетъ констатировать, что идея эта никогда не переходила въ призывъ къ священной войнѣ; даже о мѣстныхъ возмущеніяхъ христіанъ противъ своихъ притѣснителей нѣтъ почти никакихъ указаній, хотя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ 3 вѣкѣ христіане были достаточно сильны, чтобы съ успѣхомъ организовать такое возмущеніе. Въ четвертомъ вѣкѣ картина измѣняется: идея *militiae Christi* переходитъ въ жизнь; появляются священныя войны и даже становятся возможными такія фанатическія прокламаціи, какъ *De errore paganism religionum* Фирмика Матерна.

II. Что касается фактическаго отношенія первыхъ христіанъ къ военной службѣ, то прежде всего оригинально то обстоятельство, что приблизительно до 170 года этотъ вопросъ вовсе не затрагивается въ христіанской литературѣ. Очевидно, такого вопроса и не возникало тогда въ христіанской общинѣ: при существовавшихъ въ римскомъ государствѣ условіяхъ военной службы, каждый, даже малосостоятельный гражданинъ легко могъ освободиться отъ этой повинности; если же свѣтъ Христова ученія заставлялъ римлянина уже на службѣ, то, очевидно, была возможность оставаться воиномъ и въ тоже время христіаниномъ, согласно заповѣди Ап. Павла пребывать въ томъ состояніи, въ какомъ засталъ кого призывный гласъ Господа. Большую роль играло также въ данномъ случаѣ всеобщее ожиданіе второго пришествія, въ силу чего христіане смотрѣли на свое земное гражданство, какъ на временное, и не думали о преобразованіи политическаго и соціальнаго строя въ духѣ новой религіи. Но со времени Марка Аврелія указанный вопросъ быстро овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ и вызываетъ богатую литературу. Первымъ заговорилъ языческій писатель Цельсъ, который обвиняетъ христіанъ въ недостаткѣ патриотизма, въ уклоненіи отъ военной службы, и высказываетъ опасеніе, какъ бы, съ распространеніемъ христіанства, императоръ не остался безъ войска и варвары не завладѣли бы государствомъ. Одновременно съ этимъ свидѣтельствомъ и какъ бы въ опроверженіе его, мы читаемъ другое извѣстіе,--что 12 легионъ, погибавшій отъ недостатка воды во время войны съ квадами, былъ спасенъ солдатами-христіанами, по молитвѣ которыхъ былъ ниспосланъ дождь. И христіанскіе писатели не только не порицали по этому

поводу своихъ единовѣрцевъ за участіе въ войнѣ, но и высказывали радость, что ихъ Богъ спасъ римское войско. Климентъ Александрійскій и Тертуліанъ свидѣтельствуютъ, что не мало христіанъ было и въ египетскихъ и въ африканскихъ легионахъ, причемъ первый не высказываетъ по этому поводу порицанія, но послѣдній,—правда, только въ писаніяхъ, обращенныхъ къ христіанамъ,—рѣшительно осуждаетъ военную службу; по его мнѣнію, она не совмѣстима съ христіанствомъ: христіанинъ не долженъ итти въ солдаты, и солдатъ не можетъ быть принятъ въ христіанскую общину, ибо нельзя служить одновременно Богу и діаволу. Горячія убѣжденія Тертуліана не измѣнили однакоже общаго положенія дѣлъ: христіане продолжали служить въ войскѣ, и христіанская община не отторгала ихъ отъ себя по этой причинѣ, снисходя къ ихъ исключительному положенію. Но токъ разсужденій Тертуліана съ одной стороны, съ другой—тотъ случай, который заставилъ его взяться за перо (демонстративный отказъ солдата-христіанина надѣть на себя вѣнокъ) доказываютъ сильный подъемъ христіанскаго самосознанія. Еще рѣзче высказываются противъ военной службы Оригенъ, Лактанцій и древніе церковные каноны; здѣсь рѣчь принимаетъ уже прямо революціонный характеръ: „не пойдемъ на войну, даже если самъ императоръ прикажетъ“. Историческіе памятники третьяго вѣка и особенно мученическіе акты даютъ цѣлый рядъ случаевъ мученической смерти христіанъ-воиновъ; разсмаривая эти случаи, авторъ приходитъ къ тому выводу, что число христіанъ въ рядахъ римскаго войска было очень велико и что языческая власть принуждена была снисходительно смотрѣть на нихъ, поднимая преслѣдованіе лишь въ случаѣ обвиненія со стороны. Гоненіе при Діоклетіанѣ началось въ войскѣ; вопросъ состоялъ въ томъ, останется ли войско римское вѣрно своимъ старымъ религіознымъ традиціямъ или, допустивъ христіанство, откажется отъ нихъ. Первый актъ великаго историческаго переворота совершился также въ войскѣ: Константинъ рѣшилъ въ борьбѣ съ Максенціемъ воздвигнуть на знаменахъ крестъ и тѣмъ объявилъ хр-во не только терпимою, но и первенствующею религіею.

На большемъ соборѣ въ Ареланѣ въ 314 г. постановлено слѣдующее опредѣленіе: „кто броситъ оружіе въ мирное

время, того лишать причастія“; изъ чего авторъ заключаетъ, что Церковь по окончаніи гоненій не только порицаетъ часто практиковавшееся прежде изъ-за христіанскихъ убѣжденій бѣгство солдатъ-христіанъ изъ войскъ, но и налагаетъ на ослушниковъ строгое наказаніе; теперь уже не тотъ отлучается отъ Церкви, кто служить въ римскомъ войскѣ, а, наоборотъ, тотъ, кто отказывается отъ службы. Но и Константинъ пошелъ навстрѣчу интересамъ Церкви, когда онъ издалъ указъ, позволяющій всѣмъ, изверженнымъ изъ военной службы во время гоненій, или возвратиться на службу, или оставить ее и „вести свободную—спокойную жизнь“. Войны Лицинія съ Максиминомъ, а затѣмъ Лицинія съ Константиномъ должны были окончательно доказать, кто сильнѣй: Христосъ или языческіе боги. Послѣ рѣшительной побѣды христіанства наступило полное примиреніе Церкви съ войскомъ.

P. Heinrich Denifle. O. P. Luther und Luthertum in der ersten Entwicklung. Mainz. 1904. 1 Bd. 860 S. 1).

Задолго до появленія въ печати разсматриваемой нами книги стало извѣстно въ ученomъ мѣрѣ, что Денифле готовить обширный трудъ о началахъ реформаціи въ Германіи. Ждали серьезной научной работы съ новыми данными изъ жизни Лютера и первыхъ реформаторовъ: авторъ уже заявилъ себя въ богословской наукѣ солидными изслѣдованіями въ области церковной исторіи среднихъ вѣковъ и при томъ, какъ папскій архиваріусъ, могъ свободно пользоваться богатѣйшими сокровищами Ватиканской бібліотеки. Разочарованіе было полное,—и не только въ протестантствѣ, но и среди умѣренныхъ католиковъ. Непримируемая ненависть католическаго монаха (авторъ-доминиканецъ) къ еретику-революціонеру ослѣпила ученаго и, вмѣсто солидной, спокойной работы, произвела на свѣтъ Божій сочиненіе полемическое, крайне одностороннее, дышущее злобой и мстью. Автору нельзя отказать въ учености, но ученость эта направлена на мелочь; выводы же поражаютъ невѣжествомъ

1) Вышелъ въ печати только первый томъ: въ іюнь с. г., въ приготовленіяхъ къ изданію второго тома, авторъ скоропостижно скончался.

и тенденціозностью. Реформація, по его мнѣнію, есть ничто иное, какъ бунтъ пьяныхъ и развратныхъ монаховъ противъ церкви. Во главѣ этихъ монаховъ сталъ августинецъ Лютеръ, его необузданная натура не выдержала тяжести монашескихъ обѣтовъ: онъ палъ и, чтобы оправдать свое паденіе, составилъ,—посредствомъ всевозможныхъ подлоговъ и искаженій,—собственную религію. Съ рѣдкою кропотливостью, достойною лучшаго примѣненія, авторъ собралъ на 860 страницахъ массу фактовъ, выраженій, словъ, намековъ, такъ или иначе унижающихъ Лютера, не упомянувъ вовсе о тѣхъ данныхъ, которыя рекомендуютъ его съ хорошей стороны или, по крайней мѣрѣ, смягчаютъ его виновность. Авторъ не стѣсняется распространяться о такихъ скорбныхъ дѣлахъ и словахъ своего героя, что приходится удивляться, какъ пропустила эти мѣста цензура; наиболѣе игривыя выраженія приведены въ латинскомъ оригиналѣ. Тонъ книги самый рѣзкій: такія выраженія, какъ лжець, пьяница, развратникъ, скоморохъ, невѣжда,—пестрѣютъ чуть не на каждой страницѣ. Достается и сподвижникамъ Лютера и даже современнымъ лютеранскимъ богословамъ. Въ заключеніе авторъ восклицаетъ: *los von Luther, zurück zu Christus und Seiner Kirche!* (прочь отъ Лютера, назадъ ко Христу и Его Церкви!). Если въ этихъ словахъ выражена цѣль, которую имѣлъ ввиду Денифле при составленіи своего труда, то едва ли можно будетъ поздравить автора съ успѣхомъ. Такія книги не только не подвинутъ впередъ дѣла примиренія между двумя враждующими вѣроисповѣданіями въ Германіи, но еще болѣе усилятъ взаимное озлобленіе.

Дѣйствительно протестантскій міръ былъ жестоко возмущенъ этимъ новымъ грубымъ нападеніемъ. Лютеръ почитается всѣми протестантами и представляетъ едвали не единственную положительную связь въ разрозненномъ протестанствѣ (отрицательной связью является ненависть къ Риму), его возвели въ народные герои, его жизнь и дѣятельность нѣмецъ тщательно изучаетъ съ школьной скамьи, его статуи красуются въ общественныхъ зданіяхъ, въ городскихъ садахъ, въ церквахъ, для всенароднаго празднованія памяти его посвященъ особый день... И вдругъ какой-то католическій монахъ доказываетъ, что этотъ Лютеръ былъ ничтожный человѣкъ, опустившійся, изолгавшійся революціонеръ,

имѣвшій успѣхъ среди современниковъ только потому, что потакалъ ихъ низкимъ страстямъ. Лучшіе протестантскіе профессора взяли за перо, чтобы защитить свое кумира. Гарнакъ ¹⁾ и Зеебергъ ²⁾ въ Берлинѣ, Гауслейтеръ ³⁾ въ Грейвевальдѣ, Вальтеръ ⁴⁾ въ Ростокѣ, Кольде ⁵⁾ и Фестеръ ⁶⁾ въ Эрлянгелѣ, Кёлеръ ⁷⁾ въ Гиссенѣ, Каверау ⁸⁾ въ Бреславлѣ и мн. др. ⁹⁾ немедленно выступили съ болѣе или менѣе подробными статьями и брошюрами. Они пишутъ значительно спокойнѣе Денифля, но безпристрастія и у нихъ нѣтъ. Если католикъ слишкомъ сгущаетъ краски въ ущербъ репутациі Лютера, то его оппоненты-протестанты черезчуръ идеализируютъ реформатора. Опровергая нѣкоторые выводы Денифля, они совершенно замалчиваютъ другіе факты, приводимые имъ, хотя и не желаютъ признать, что онъ правъ; у нихъ не хватаетъ смѣлости высказать открыто, что Лютеръ во многихъ отношеніяхъ былъ далеко не безукоризненный человекъ. Наиболѣе откровененъ Зеебергъ, статья котораго въ *Kreuzzeitung* (1903, № 567, 569, 571—2), имѣла большій успѣхъ и по настоянію нѣкоторыхъ читателей была отпечатана отдѣльной брошюрой. Онъ готовъ во многомъ согласиться съ Денифлемъ относительно нравственныхъ качествъ Лютера, но въ объясненіе и оправданіе приводитъ оригинальное соображеніе—въ Ничшеанскомъ духѣ: Лютеръ—сверхчеловѣкъ, и къ нему нельзя прилагать той нравственной мѣрки, какая прилагается къ простымъ смертнымъ.

Денифле отвѣчалъ своимъ оппонентамъ въ предисловіи къ новому изданію „Luther und Luthertum“, а также въ осо-

¹⁾ Theol. Literaturzeitung, 1903, № 25.

²⁾ R. Seeberg, Luther und Luthertum in der neuesten katholischen Beleuchtung, Leipzig, 1904.

³⁾ Haussleiter, Luther im römischen Urteil. Eine Studie, Greifswald, 1904.

⁴⁾ Walther, Denifle's Luther, eine Ausgeburt römischer Moral, 1904.

⁵⁾ Kolde, P. Denifle, Unterarchivar des Papstes, Seine Beschimpfung Luthers und der evang. Kirche, Leipzig, 1904.

⁶⁾ Religionskrieg und Geschichtswissenschaft. Ein Mahnwort an das deutsche Volk, aus Anlass von Denifle's „Luther“ 1904.

⁷⁾ Die Christliche Welt, 1904, № 29.

⁸⁾ Theol. Studien und Kritiken, 1904, S. 450 ff.

⁹⁾ Haup. G. Sodeur, Luther und die Lüge, Leipzig, 1904; I. Baumann, Denifle's Luther und Luthertum vom allgemein wissenschaftlichen Standpunkte aus beleuchtet; 1904; P. Tschackert, Das echte Lutherbild, Leipzig, 1904.

бой брошюрѣ „Luther in rationalistischer und christlicher Beleuchtung“, направленной главнымъ образомъ противъ Гарнака и Зееберга. Эти послѣдніе въ свою очередь отвѣчали краткими замѣтками въ газетахъ: Гарнакъ заявилъ, что онъ „не желаетъ больше имѣть дѣла съ этимъ господиномъ“, а Зеебергъ назвалъ сочиненіе Денифля „грязнымъ“ (Schmutzschrift), а автора „мастеромъ ручаться“ (Meister der Schimpfrede).

Берлинъ, 3 (16) Сентября 1905 г.

Діаконъ Н. Сахаровъ.
